

— Начальник, здесь почти безлюдно. Кроме редких машин и туристов, никого не бывает, — доложил У Фэн, понизив голос. — Очевидцев пока нет. Единственная зацепка... возможно, там, в горах. — Он указал на окутанный туманом склон горы Фэнлин.

Фан Шуюй проследил за его жестом. Взгляд пронзил дымку, словно разглядев притаившийся в зелени старинный даосский храм Юэцзянь. Чи Сяньчуань... может, он что-то знает? В конце концов, он там живет.

— Доктор Чжун, — Фан Шуюй повернулся к молодому судмедэксперту, — дело сложное. Почерк убийцы профессиональный, возможно, замешаны узкоспециализированные медицинские знания. Мне нужно мнение более авторитетного специалиста. Вы не знаете никого, кто был бы в этом профи?

Глаза Чжуна загорелись, и он выпалил:

— Капитан, раз уж речь зашла об этом, я настоятельно рекомендую одного человека! Профессор Лу Пинчжоу из Медицинского института Пекинского университета! Он всемирно известный хирург, его называют мастером скальпеля, он знает анатомию человека и любые инструменты как свои пять пальцев. Говорят, когда он учился за границей, то помогал местной полиции раскрывать дела об убийствах, совершенных с использованием высокоточной хирургической техники. Опыт колоссальный! Если удастся пригласить его, он наверняка заметит детали, которые мы упустили.

— Лу Пинчжоу? — имя показалось Фан Шуюю смутно знакомым, но вспомнить, где он его слышал, не удалось. Времени на раздумья не было. — Хорошо! Доктор Чжун, свяжитесь с профессором немедленно, объясните ситуацию и убедите его приехать как можно скорее. Будьте вежливы.

— Понял! Сделаю! — Чжун отошел в сторону, доставая телефон.

Фан Шуюй обратился к Ян Вань и Лу Чутину:

— Вы двое, возьмите людей и расширьте радиус поиска. Осмотрите края леса и тропы, ведущие в гору, ищите любые следы или орудие убийства. Юань Юань, Цзян Юнь, продолжайте тщательный осмотр места преступления, не упустите ни крупинки.

— Есть! — хором ответили они.

Закончив с распоряжениями, Фан Шуюй посмотрел на У Фэна:

— Пойдем, поднимемся в гору.

— В храм Юэцзянь? — У Фэн сразу все понял.

— Да. — Фан Шуюй кивнул и зашагал к каменной тропе. Интуиция подсказывала, что ключ к

разгадке этого жуткого дела спрятан именно там.

Тропа, ведущая к храму, после дождя стала скользкой, а на листьях блестели капли воды. Фан Шуюй и У Фэн медленно поднимались вверх. Утренний туман еще не рассеялся, придавая лесу таинственности. Фан Шуюй по памяти, оставшейся с того раза, когда сестра приводила его сюда, свернул на более глухую, вымощенную неровными камнями дорожку.

Через двадцать минут показался старый храм. Серые черепичные крыши с загнутыми вверх углами едва проступали сквозь туман. Двери были распахнуты, словно приглашая путников.

Они вошли во двор. В отличие от кровавого напряжения внизу, здесь царил покой. Двор был влажным от росы. Посреди галереи на бамбуковом стуле сидел полноватый даос и читал книгу. Услышав шаги, Лю Хэшань поднял голову. Увидев двух мужчин в штатском, но с выправкой, он улыбнулся, отложил книгу и сложил руки в приветственном жесте:

— Фушэн Улян Тяньцзунь. Благочестивые господа, вы пришли вознести молитвы?

Фан Шуюй покачал головой, достал удостоверение и, протянув его Лю Хэшаню, серьезно сказал:

— Здравствуйте. Я Фан Шуюй, глава следственной группы уголовного розыска Пекина. На автобусной остановке у подножия горы произошло убийство. Мы хотели бы расспросить обитателей храма, не заметили ли вы чего-то необычного сегодня утром или минувшей ночью.

Увидев удостоверение, Лю Хэшань застыл, улыбка исчезла, сменившись тревогой. Он тут же вспомнил утреннее наставление Чи Сяньчуаня: Не лезь в мутную воду, если придут особые гости. Неужели это и есть полиция?

— Подождите, офицер, я позову старшего, — пробормотал он и поспешил во внутренние покои.

Фан Шуюй и У Фэн остались ждать. У Фэн огляделся:

— Начальник, место глухое, похоже, прихожан здесь немного.

Фан Шуюй промолчал. Его взгляд скользил по закрытым дверям главного зала и боковым пристройкам, пока не остановился на раскидистом старом дереве в углу двора.

Вскоре Лю Хэшань вернулся, а следом за ним вышел молодой человек в футболке, спортивных штанах и очках в черной оправе — это был Чжао Маньтан. Видимо, его разбудили: волосы были взлохмачены, а в глазах читалась сонливость. Увидев Фан Шуюя, он замер, пытаясь вспомнить, где его видел.

— Офицер Фан, верно? — Чжао Маньтан взял себя в руки. — Я Чжао Маньтан, управляющий храма Юэцзянь. Все дела на мне. Слушаю вас.

Фан Шуюй приподнял бровь:

— Управляющий? Насколько я помню, настоятелем здесь Чи Сяньчуань.

Услышав это имя и присмотревшись к лицу Фан Шуюя, Чжао Маньтан хлопнул себя по лбу:

— Ой! Это же вы! Точно, лицо знакомое! Несколько месяцев назад вы приходили с очень красивой девушкой, просили брата Чуаня провести обряд упокоения, так ведь? — он просиял.
— Так вы полицейский! Прошу прощения, не признал!

Фан Шуюй кивнул:

— Да, это я. Где Чи Сяньчуань?

— Брат Чуань... — Чжао Маньтан почесал затылок. — Он у нас вроде как исполняющий обязанности настоятеля, но бытом занимаюсь я. А он... ну, он больше сосредоточен на самосовершенствовании. — Он постарался замять тему лени Чи Сяньчуаня. — Офицер Фан, вы сказали, внизу убийство? Что случилось?

Фан Шуюй кратко описал обстоятельства дела, особо подчеркнув состояние жертвы и жуткие детали.

По мере рассказа лицо Чжао Маньтана бледнело, губы дрожали. Услышав, что жертву нашли на остановке, он не выдержал:

— Что? А не в лесу за горой? Как она оказалась на остановке?

— В лесу? — Взгляды Фан Шуюя и У Фэна стали острыми, как прожекторы.

Чжао Маньтан понял, что сболтнул лишнее. Под тяжелым взглядом полицейских он замялся, но, не выдержав давления, выложил все: и то, что Чи Сяньчуань ночью уходил спасать человека, и то, что он сказал, будто в лесу кто-то мешает покою, а вернувшись, бросил фразу: Раз оборвалось, значит, так тому и быть, — и велел женщине самой идти в полицию или больницу.

— Я правда не знал, что она умрет на остановке! — Чжао Маньтан чуть не плакал. — Кто бы мог подумать...

— Почему сразу не заявили в полицию? — строго спросил Фан Шуюй.

— Брат Чуань сказал... раз дело закончено, то и сообщать не о чем... — голос Чжао Маньтана стал совсем тихим.

— Чи Сяньчуань видел убийцу? Слышал что-то? Заметил приметы?

Чжао Маньтан замотал головой:

— Нет! Брат Чуань вернулся и сказал, что было слишком темно, ничего не разглядеть. Сказал только, что тот человек сбежал, а он лишь указал девушке путь вниз... больше ничего!

В этот момент от ворот донесся ленивый, но звонкий голос:

— Ого, похоже, я вернулся не вовремя.

Все обернулись. Чи Сяньчуань, засунув руки в карманы светло-синих брюк, неспешно шел через двор. Ветер растрепал его волосы, на щеках играл румянец после поездки на скутере. В руках он держал черную кошку по кличке Сяобай. Кошка зевнула, лениво оглядела незнакомцев и снова закрыла глаза.

Взгляд Чи Сяньчуаня упал на Фан Шуюя. Он приподнял бровь с усмешкой:

— Офицер Фан? Редкий гость. Что, решили отринуть мирскую суету и стать послушником в моем храме? Кормят, поят, просветление гарантируем, от забот избавим...

Фан Шуюй не знал, смеяться или злиться:

— Хватит! Прекрати! Я не за этим пришел! Я по делу. На остановке у подножия горы произошло убийство. Знаешь об этом?

Чи Сяньчуань, не выпуская кошку, уселся на бамбуковый шезлонг, принял удобную позу и неторопливо произнес, изображая удивление:

— Убийство? Не слышал. Я только что с рынка, продукты покупал, — он потряс пакетом с красным перцем, — мимо остановки не проезжал.

Фан Шуюй смотрел на это невинное лицо, не поддаваясь на провокацию:

— Ты все знаешь. Или, вернее, просчитал. Поэтому с самого утра ушел, чтобы избежать проблем. А вернувшись и увидев нас, понял, что пришел не вовремя, верно? — Он знал способности Чи Сяньчуаня и его нелюбовь к неприятностям.

Чи Сяньчуань молчал, поглаживая кошку. Сяобай довольно мурлыкала. Он постучал пальцами по подлокотнику стула, словно взвешивая что-то.

Наконец, он поднял взгляд на Фан Шуюя, усмешка исчезла, сменившись серьезностью:

— Прошло несколько месяцев, а вы, офицер, все такой же проникательный. — Он помолчал. — Я действительно не хотел в это ввязываться. Указал ей путь вниз, чтобы помочь, — это уже было нарушением правил. Не думал, что... — он вздохнул с едва заметным сожалением, — от судьбы не уйдешь.

— Значит, ты видел убийцу? Или что-то почувствовал? — надавил Фан Шуюй.

Чи Сяньчуань покачал головой:

— Нет. Ночью было хоть глаз выколи. Даже у кого зрение отличное, ничего бы не увидел. К тому же, — добавил он, — тот человек отлично скрывал свою ауру, сливаясь с тьмой.

Фан Шуюй нахмурился. Ответ был ожидаемым, но разочаровывающим. Он хотел спросить детали, но Чи Сяньчуань сменил тему:

— Ладно, раз уж вы здесь, все равно не отвертеться. — Он посадил кошку на колени, выпрямился. — Рассказывайте, как именно погибла девушка? Что там было особенного?

У Фэн, получив кивок от начальника, сделал шаг вперед и в деталях пересказал все: выражение ужаса на лице жертвы, ссадины, точно отрезанный язык, разрез сонной артерии, неестественная чистота места преступления и мнение судмедэксперта об оружии убийства.

Чи Сяньчуань слушал молча, постукивая пальцами по колену. Когда речь зашла о языке и разрезе артерии, его глаза на мгновение блеснули. Когда упомянули время — пять тридцать утра — он едва заметно дернул бровью.

— У погибшей восьмизначная карта чистого инь, — сказал он, глядя на Фан Шуюя. — Если смерть наступила около пяти тридцати утра, это время Мао. Это столкновение энергий. Убийца... знает свое дело.

— Что это значит? — Фан Шуюй подался вперед. У Фэн, Чжао Маньтан и Лю Хэшань затаили дыхание.

— Чистый инь означает, что все четыре столпа даты рождения — инь. Такая карта не является однозначно плохой, но энергия у нее холодная и спокойная. Она притягивает темные сущности, и для некоторых людей это — идеальный материал. Что касается времени Мао — пять-семь утра, рассвет, переход инь и ян. Это время, когда ян еще слаб, а инь не рассеялась. Это столкновение инь и ян, время, когда легче всего навлечь беду. Смерть в такой час, да еще в месте, где скапливается инь, лишь усиливает зловещий характер события.

Он замолчал, обводя всех взглядом:

— Выбор времени, места, почерк — отрезание языка, входа в сердце, перерезание горла, чтобы остановить жизнь... это не просто убийство. Это начало какого-то ритуала. Или часть чего-то большего. Захват души, подпитка инь, или создание чего-то...

Его слова, холодные, как лед, заставили всех вздрогнуть.

— Ритуал? — Фан Шуюй ухватился за это слово. — Убийца сделал это не ради грабежа или мести, а ради жертвоприношения?

— Не ради, а потому что жертва должна была быть именно такой, — поправил его Чи Сяньчуань с пугающей рациональностью.

Фан Шуюй помрачнел. Анализ Чи Сяньчуаня подтвердил его худшие опасения. Это дело гораздо опаснее, чем обычное убийство.

— Значит, убийца — колдун? — спросил У Фэн.

— В искусстве нет добра и зла, все зависит от человека, — равнодушно ответил Чи Сяньчуань, снова постукивая по подлокотнику. — Тот, кто умеет использовать время, место и человеческие жизни для своих целей — тот мастер. А какова цель — знает только он. Может, желание, может, практика, а может... запуск большого зловещего массива.

Последние слова он произнес тихо, глядя на крышу главного храма.

Чжао Маньтан побелел:

— Большого зловещего массива? Брат Чуань, не пугай меня! Прямо здесь, на горе Фэнлин?

— Не обязательно здесь, — Чи Сяньчуань отвел взгляд. — Но гора Фэнлин с ее рельефом и потоками энергии — место, где можно как спрятать грязь, так и пробудить силу.

А черная кошка Сяобай в его руках уже открыла изумрудные глаза. Зрачки превратились в тонкие нити, она смотрела в сторону места преступления, издавая низкий, едва слышный рык.

<http://bllate.org/book/18779/1822040>